

- Bazhanov V.A. Birth of Philosophy of Science in Russia. — *Voprosy filosofii*. 2006. No 1. P. 128-134.
- Bazhanov V.A. Social Climate and History of Science. Antinomies of Theory and Practice of Marx. — *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2007. Vol. XI. No 1. P. 146-156.
- Filosofiya estestvoznaniya: retrospektivnyy vzglyad* (otv. red. Yu.V. Sachkov) [*Philosophy of Science: Retrospective View* (ed. Yu.V. Sachkov)]. M.: IF RAN Publ. 2010. 327 p.
- Fok V.A. *Teoriya prostranstva, vremeni i tyagoteniya* [*The Theory of Space, Time and Gravitation*]. M.: State Publishing House of Technical and Theoretical Literature. 1955. 504 p.
- Leshkevich T.G. *Filosofiya nauki: traditsii i novatsii*: Uchebnoe posobie dlya vuzov [*Philosophy of Science: Traditions and Novation's: the textbook for high schools*]. M.: PRIOR Publ. 2001. 428 p.
- Stepin V.S. U istokov sovremennoy filosofii nauki. [*At the Origins of the Modern Philosophy of Science*]. — *Bonifatiiy Mikhaylovich Kedrov*. M.: ROSSPEN Publ. 2010. P. 9-22.

УДК 172.13 + 323.212

КОЗЛОВА Наталия Николаевна — к.и.н., доцент кафедры политологии Тверского государственного университета
170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33. n_s@pochta.ru

РАССАДИН Сергей Валентинович — к.филос.н., доцент; доцент кафедры психологии и философии
Тверского государственного технического университета
170026, Россия, г. Тверь, наб. А. Никитина, 22. s_r08@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ И МОДЕЛЕЙ МАСКУЛИННОСТИ В РОССИЙСКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ XIX – СЕРЕДИНЫ XX вв.

Аннотация. В трудах консерваторов XIX – середины XX вв. теоретическое конструирование политической жизни непосредственно связано с моделированием маскулинных ценностей и ролей. Возможность мужчин реализовывать гражданские права в публичной сфере легитимируется их способностью выполнять функцию защиты государства. В политических концепциях мыслителей четко прослеживается конструирование иерархии моделей маскулинности, базирующихся на принципе сословности и этакратизма. Позитивный характер модели маскулинности («идеального монарха», «воина-богатыря», «русского мужика») консерваторы видели в выполнении предписанных определенному сословию обязанностей, а также тесной связи с самим государством через несение военной и гражданской службы, тягловых повинностей и т.д. Негативный характер моделей маскулинности конструировался за счет наделения носителей данной атрибуции секуляризированным сознанием, нигилистическим отношением к русской культуре, стремлением разрушить монополию царствующей династии на политическую власть.

Ключевые слова: политика, государство, андроцентризм, маскулинность, консерватизм

Важность гендерного анализа политической теории была осознана и поставлена на повестку дня в западной политической науке во второй половине XX в. Изучая реальные политические практики, отражающие гендерную асимметрию, — электоральное поведение, лидерство, политические институты и т.д., исследователи гендерных отношений обратились к рассмотрению политической мысли, которая, по их мнению, в той или иной форме, явно или латентно маркирует явления политического мира через призму пола. В результате в основных на гендерном подходе исследованиях был артикулирован вывод, что, начиная с античности и до конца XIX в., все философы, за исключением Дж.С. Милля,

являлись носителями традиционной патриархатной гендерной культуры, поддерживали ее базовые ценности [Брайсон 2001: 7]. Х. Роуз полагает, что классическая политическая теория предлагает в качестве субъекта всегда мужчину – пролетария в марксистской теории или абстрактного собственника-индивидуалиста в рыночном либерализме [Роуз 1992: 53].

Цель данной статьи – эксплицировать связь между концептуализацией мира политического и моделированием маскулинности в политической теории отечественного консерватизма XIX – середины XX вв., которая интеллектуально подпитывает новый российский консерватизм, востребованный властным дискурсом в начале XXI в.

Придерживаясь самодержавных форм правления, российские консерваторы трактовали политику как монополию правящего императорского дома и находящихся на государственной службе «мужей». Теоретики консерватизма настаивали на элитарном, аристократическом характере политики. Практически всеми российскими консерваторами были созданы портреты «великих мужей», воплощавших, с точки зрения их авторов, сферу политического. М.П. Погодин призывал разобрать подробнее исторических персонажей, предложив собственный анализ фигуры Петра I «как государя, как русского, как гражданина, как отца, как супруга, как человека» [Погодин 2010: 239]. Рассмотрим зафиксированные в них модели маскулинности подробнее.

Автор формулы «официальной народности» С.С. Уваров стремился законсервировать время личностей, подчеркнуть величие их деяний, индивидуальных черт и качеств в рамках созданных им биографических портретов политических деятелей. Аристократическая модель маскулинности – достоинство, внутренний самоконтроль, соединение «величайшей мощи с величайшей умеренностью» [Уваров 2010: 160], силы с миролюбивостью, – выписана автором в политическом портрете Александра I. Общие черты, которыми наделял Уваров находящихся на государственной службе мужей, состояли в аристократизме поведения, включавшем в себя следование понятиям чести и долга. Государственные деятели демонстрировали свою отчужденность от власти и политики, оставляя сферу политического исключительно в ведении императора. Военная доблесть в сочетании с миролюбием смягчала черты агрессивной маскулинности политических мужей.

В трудах К.С. Аксакова акцент делается на древнерусских персонажах – великом князе Владимире и богатырях. Самого князя К.С. Аксаков характеризовал как просветителя русской земли [Аксаков 1856]. В эпитете «красное солнце», по мнению мыслителя, выражалось «благодворное и вместе всерусское значение великого князя Владимира» [Аксаков 1856]. Автор отмечал, что собравшиеся вокруг великого князя Владимира могучие витязи занимают почетное место на богатырской скамье не по аристократическому праву породы, как рыцари на Западе. К.С. Аксаков указывал на существование особого богатырского этоса: «отношения богатырей к великому князю почтительны, но неподобострастны; они вольно собрались вокруг него, зовут его красным солнцем, солнцем киевским, охотно служат ему службы; но ни в чем не выражается униженное их отношение к великому князю» [Аксаков 1856]. Физическая сила и христианские добродетели, прежде всего доброта, почтительность к отцу и матери, личный подвиг духа составили суть модели богатырской маскулинности, предложенной К.С. Аксаковым.

Тема достоинства военного сословия и государства, в котором правят воины и жрецы, была развита в трудах К.Н. Леонтьева. Утверждение, что в мирной жизни «военный может легко и скоро стать всем: дипломатом, администратором, министром, хозяином сельским, хорошим мировым судьей, художником, ученым», что «генерала можно прямо сделать начальником губернии или поручить ему дипломатический пост» [Леонтьев 2010: 314], вполне соответствовало идеальному видению Леонтьевым общества, в котором доминируют принудительные и силовые методы реализации власти. «Самый высший род гражданства – это гражданство боевое, отдающее жизнь за Отчизну; самый лучший гражданин – это честный в своем призвании, смелый и даровитый воин», – писал мыслитель [Леонтьев 2010: 313]. Таким

образом, идеальный гражданин для Леонтьева – это сильный и отважный воин, представляющий собой образец маскулинной аристократии.

С точки зрения К.П. Победоносцева, политика должна представлять собой сферу деятельности «мужей государственных», а не борьбу партий, поскольку далеко не каждый может управлять государством [Победоносцев 2010: 230]. Закрепление за мужским полом права и обязанности заниматься политикой, по мысли Победоносцева, необходимо ограничивалось социальным происхождением и возрастом. В своих произведениях и письмах он комментировал важность дворянского класса для отечественной политики [Победоносцев... 1923: 523].

Л.А. Тихомиров продолжил традицию российской политической мысли по созданию политических портретов в работе «Носитель идеала», которую он посвятил императору Александру III, наделив последнего наивысшими достоинствами. Тихомиров сравнил Александра с Петром Великим, царем-работником, который самоотверженно «истощал все силы на государственное служение» [Тихомиров 1997: 527]. Л.А. Тихомиров ставил Александра III в один ряд с основателями христианских государств Константином и Карлом Великим [Тихомиров 1997: 528]. Главная заслуга российского императора – необходимость сосредоточения власти в руках наиболее достойного мужчины – главы императорского дома, «царя правды и мира».

И.А. Ильин в качестве достойных граждан, истинных вождей приводил в пример только мужчин – Владимира Мономаха, Даниила Галицкого, Александра Невского и др., ибо политика – мужское дело. Посвящая надгробное слово «Светлой памяти генерала Врангеля», Ильин репрезентирует его как представителя традиции русского национального рыцарства, традиции, «которую всегда строилась и держалась Россия» [Ильин 1993: 164–165]: Ильин считал дух рыцарства духом «православной государственности». В «Наших задачах» в разделе о правах и обязанностях российских граждан он писал, что «вооруженная защита отечества и государства есть не только священная обязанность, но и почетное право каждого русского гражданина» [Ильин 1993: 86]. Лишение данного права по суду, с точки зрения мыслителя, должно было сопровождаться утратой всякой публичной правоспособности (права голоса, права общественной и государственной службы и др.).

В трудах российских консерваторов прослеживается еще одна модель маскулинности – модель «русского мужика». В работах славянофилов «русский мужик» воплощает собой не только «простой народ», но и русскую культуру. «“Стоит только русскому Императору опустить себе бороду, и он непобедим”, – сказал гениально Наполеон... под символом “бороды” разумеется здесь образ и подобие русского народа, в значении его духовной и нравственной исторической личности», – рассуждал И.С. Аксаков [Аксаков 1863]. Восприятие русского мужика как носителя русской национальной культуры было подхвачено почвенничеством [Козлова 2013: 67].

В работах К.Н. Леонтьева мужики также выступали в двух ипостасях: как представители этноса («русский народ») и как представители демоса («простой народ»), придавая андроцентричный характер русской национальной культуре. Характеризуя русского мужика, автор противопоставлял его представителям других этносов в дихотомии «свой – чужой». Описание последнего Леонтьев насыщал обилием негативных коннотаций, рельефно манифестирующих превосходство и чистоту «своего» идеального образа: «Русский мужик очень развит, особенно в некоторых губерниях... Он умеет изворачиваться в таких обстоятельствах, в которых растеряются грамотные, но тупые французские или немецкие поселяне... Великоросс может все, что может другой славянин; но он сверх того способен на многое, на что ни другой славянин, ни грек или француз, ни другие европейцы не способны!» [Леонтьев 2007а: 128].

Акцентируя внимание на месте русского мужика в системе властных отношений, Леонтьев представлял его как носителя особой аполитичной культуры. По мнению мыслителя, русский мужик гораздо глубже, чем представители других классов, понимал сущность власти: «Мужик наш, освобожденный Государем от вековых условий необходимого в свое время крепостного права, ...повинуется не только с виду, но и по идее. Он молится в церкви за Царя и Его Семью. Он не играет в

мелкую оппозицию, он не “либеральничает”, не суется судить и рядить обо всем... Он благодарен – и молится”!» [Леонтьев 2007б: 278]. Описанная патриархально-подданическая культура русского мужика отличает его от представителей других классов, прежде всего от части космополитического дворянства и интеллигенции. Ценностные ориентации русского мужика были направлены на поддержку самодержавия и содержали в себе «больше охранительной твердости, больше верности преданиям, больше даже государственного инстинкта, чем в тех общественных слоях наших, которым предоставлена полная свобода беднеть, богатеть, продавать и покупать личную собственность, менять место оседлости и так далее» [Леонтьев 2010: 356].

Интеллигенция, в свою очередь, являлась носителем негативных антиэтатистских, с точки зрения Леонтьева, установок: «В этой “интеллигенции” господствует полный индивидуализм интересов и собственности; она либеральна, тревожна и растеряна» [Леонтьев 2010: 357]. Леонтьев маргинализировал маскулинность интеллигенции, расположив ее ниже маскулинности дворян и крестьян. В результате размышлений он сделал практический вывод, что России необходимо «побольше местного самоуправления с мужицким оттенком в уездах и побольше отеческого самоуправления в высших сферах власти» [Леонтьев 2010: 483].

И.Л. Солоневич, выделяя в составе русского народа три элемента – крестьянство, пролетариат, интеллигенцию [Солоневич 2001: 161], признавал историческую значимость только за крестьянами-мужиками как основной социальной опорой российской монархии. Негативную роль в крушении самодержавного режима Солоневич приписывал интеллигенции: «Общественная мысль, оторванная от народных корней, металась на побегушках у западноевропейской моды и шеголяла обносками с барских плеч европейской философии. У властителей дум и довоенной, и нынешней России не хватало самого простого мужицкого ума тургеневского Хоря: “...это нам подошло бы, а вот этого нам не надобно”» [Солоневич 1997: 53]. Автор противопоставлял данной социальной группе «отсталого», «политически несознательного мужика», который «ясно знал, что ни при каком строе он, мужик, править не будет» [Солоневич 1997: 90].

Таким образом, теоретики консерватизма рассматривали политику как монополию правящего императорского дома и находящихся на государственной службе мужей. На основе созданных консерваторами портретов политических мужей можно выделить несколько моделей маскулинности – «идеального монарха», «воина-богатыря», «русского мужика», «интеллигента». Главным критерием разграничения данных моделей маскулинности является характер отношения носителей маскулинности с государством.

Первые две модели реализуются в политической и околополитической сферах. В модели идеального монарха автор исследования выделяет такие основополагающие черты, как понимание власти как служения, проявление заботы обо всех подданных. Черты аристократической маскулинности – следование понятиям чести и достоинства, внутренний самоконтроль, патриотизм, благочестие, выполнение своего долга, военная доблесть, наличие идеалов и благородство помыслов – объединяют модели «идеального монарха» и «воина-богатыря».

Однако, в отличие от первой модели, «воины-богатыри» не имеют властных амбиций, преданно исполняют обязанности подданных, нарочито демонстрируют свою отчужденность от власти и политики, оставляя сферу политического исключительно в ведении монарха. Позитивный характер модели «воина-богатыря» вытекает из связи воинов с самодержавием, нахождения дворянства на государственной службе.

Модель «русского мужика» выполняет важную роль в теории консерваторов – русский мужик становится носителем народной культуры, которую он смог сохранить после реформ Петра I, в отличие от высших слоев общества. Кроме того, русский мужик в консервативной политической теории воплощает в себе не только этнос, но и демос (простой народ). В обеих ипостасях маскулинность выстраивается через отказ от политической деятельности.

Модель «интеллигента» наделяется негативными чертами – стремлением следовать по пути западной культуры, отказом от православных ценностей, слабой

связью с государственной службой, претензиями на политическую власть. Таким образом, конструируемая в политической теории российского консерватизма иерархия маскулинности базируется на принципах сословности и этакратизма. Если маскулинность представителей высших и низших выстраивалась через связь с государством – монарх воплощал собой государство, воины-богатыри состояли на службе у монарха, русский мужик нес повинности и сохранял традиционную национальную культуру, то интеллигенция являлась носителем космополитических антиэтатистских установок.

Список литературы

- Аксаков К.С. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням. 1856. – *Литература и жизнь*. Доступ: http://dugward.ru/library/lit/kaksakov_bogatyr.html (проверено 15.07.2014).
- Аксаков И.С. В чем сила России? 1863. – *Литература и жизнь*. Доступ: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_v_chem_sila_ros.html
- Брайсон В. 2001. *Политическая теория феминизма*. М.: Идея-Пресс. 304 с.
- Ильин И.А. 1993. *Собрание сочинений*. В 10 т. М.: Русская книга. Т. 2. Кн. 2. 480 с.
- Козлова Н.Н. 2013. «Женский вопрос» в контексте «борьбы с Западом»: гендерный анализ социальной философии Н.Н. Страхова. – *Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия*. №. 1. С. 63–74.
- Леонтьев К.Н. 2010. *Избранное*. М.: РОССПЭН. 728 с.
- Леонтьев К.Н. 2007а. *Полное собрание сочинений и писем*. В 12 т. СПб.: Владимир Даль. Т. 7. Кн. 1. 560 с.
- Леонтьев К.Н. 2007б. *Полное собрание сочинений и писем*. В 12 т. СПб.: Владимир Даль. Т. 8. Кн. 1. 639 с.
- Победоносцев К.П. и его корреспонденты: Письма и записки*. 1923. Пг.; М., Т. 1. Полутом 2. 1147 с.
- Победоносцев К.П. 2010. *Избранное*. М.: РОССПЭН. 647 с.
- Погодин М.П. 2010. *Избранные труды*. М.: РОССПЭН. 776 с.
- Роуз Х. 1992. Исследование женских проблем в Великобритании. – *Социологические исследования*. № 5. С. 52–59.
- Солоневич И.Л. 1997. *Белая империя. Статьи 1936–1940*. М.: Москва. 368 с.
- Солоневич И.Л. 2001. *Наша страна. XX век*. М.: Москва. 448 с.
- Тихомиров Л.А. 1997. *Критика демократии*. М.: Москва. 672 с.
- Уваров С.С. 2010. *Избранные труды*. М.: РОССПЭН. 720 с.

KOZLOVA Natalia Nikolaevna, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Department of Political Science, Tver State University (Zhelyabova str., 33, Tver, Russia, 170100; n_s@pochta.ru)

RASSADIN Sergey Valentinovich, Cand.Sci.(Philos.), Associate Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University (A. Nikitin nab., 22, Tver, Russia, 170026; s_r08@mail.ru)

THEORETICAL CONSTRUCTION OF POLICIES AND MODELS OF MASCULINITY IN RUSSIAN CONSERVATISM OF THE 19TH – MIDDLE 20TH CENTURIES

Abstract. In the conservative studies of the 19th – middle 20th centuries the theoretical construction of the political life is directly connected with the modeling of the masculine values and roles. Men's ability to realize the civil rights in the public sphere is legitimized by their ability to perform the function of state protection. In political concepts of conservative authors one can find the construction of the contemporary hierarchy of the masculinity, based on the principle of the social estates and etakratism. The positive character of the model of masculinity (ideal monarch, warrior-hero, Russian man) was determined by the prescribing of duties to the various social classes, as well as through the initiation of the close connections of anybody to the state through the military and civil service, etc. The negative models of masculinity are constructed through vesting of their carriers with the secularized consciousness, a nihilistic attitude to the Russian culture and the desire to break the political monopoly of the royal dynasty.

Keywords: politics, government, androcentrism, masculinity, conservatism

References

Aksakov I.S. V chem sila Rossii? [What is Russia's Strength?] – *Literatura i zhizn'* [Literature and Life]. 1863. (In Russ.) URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_v_chem_sila_ros.html (accessed 15.07.2014).

Aksakov K.S. Bogatyri vremen velikogo knjazja Vladimira po russkim pesnjam [The Heroes of the Period of Grand Prince Vladimir, on the base of Russian Songs]. – *Literatura i zhizn'* [Literature and Life] 1856. (In Russ.) URL: http://dugward.ru/library/lit/kaksakov_bogatyri.html (accessed 15.07.2014).

Bryson V. *Feminist Political Theory: An Introduction*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2003. 293 p. (Russ. ed. Bryson V. Politicheskaya teoriya feminizma. M.: Ideja-Press Publ. 2001. 304 p.)

Ib'in I.A. *Sobranie sochineniy*. V 10 t. [Works. In 10 vol.]. M.: Russkaja kniga Publ. 1993. Vol. 2. Book 2. 480 p. (In Russ.)

Kozlova N.N. «Zhenskij vopros» v kontekste «bor'by s zapadom»: gendernyy analiz sotsial'noy filosofii N.N. Strakhova [“Women's Issues” in the Context of the “War with the West”: a Gender Analysis of Social Philosophy of N.N. Strakhov]. – *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya* [Herald of Tver State University. Series: Philosophy]. 2013. No 1. P. 63–74.

Leont'ev K.N. *Izbrannoe* [The Selected Works]. M.: ROSSPEN Publ. 2010. 728 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. In 12 vol. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. 2007a. Vol. 7. Book 1. 560 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. In 12 vols. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2007b. Vol. 8. Book 1. 639 p. (In Russ.)

Pobedonoscev K.P. *i ego korrespondenty: Pis'ma i zapiski* [Pobedonostsev K.P. and his Correspondents: Letters and Notes]. Petrograd; M. 1923. Vol. 1. Part 2. 1147 p. (In Russ.)

Pobedonoscev K.P. *Izbrannoe* [The Selected Works]. M.: ROSSPEN Publ. 2010. 647 p. (In Russ.)

Pogodin M.P. *Izbrannye trudy* [The Selected Works]. M.: ROSSPEN Publ. 2010. 776 p. (In Russ.)

Rouz H. The Study of Women's Issues in the UK. – *Socis. Sociological Studies*. 1992. No 5. P. 52–59. (In Russ.)

Solonevich I.L. *Belaya imperiya. Stat'i 1936–1940* [White Empire. Articles of 1936–1940]. M.: Moskva Publ. 1997. 368 p. (In Russ.)

Solonevich I.L. *Nasha strana. XX vek* [Our Country. 20th Century]. M.: Moskva Publ. 2001. 448 p. (In Russ.)

Tihomirov L.A. *Kritika demokratii* [Criticism of Democracy]. M.: Moskva Publ. 1997. 672 p. (In Russ.)

Uvarov S.S. *Izbrannye trudy* [The Selected Works]. M.: ROSSPEN Publ. 2010. 720 p. (In Russ.)

УДК 329.11

МАТВИЕНКО Роман Александрович – аспирант Ульяновского государственного университета
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42. r.a.matvienko@gmail.com

ИЗОБРЕТЕНИЕ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

Аннотация. В статье анализируется процесс закрепления понятия «неоконсерватизм» в политическом словаре. Рассмотрена предыстория использования понятия в сочинениях о политике и исторических исследованиях. Обозначена роль левых публицистов, применивших понятие для критики политических противников. Последние выступили с возражениями против использования понятия «неоконсерватизм» в их адрес. Утверждается, что возникшая дискуссия имела решающее значение для превращения понятия в общепотребительную единицу политического языка.

Ключевые слова: неоконсерватизм, американский консерватизм, «нью-йоркские интеллектуалы», Харрингтон, Липсет